

I

Дар случайный

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Авария областного значения

Случись это десятилетием позже, в охочие до «чернушных» новостей капиталистические времена, о трагедии непременно сообщили бы все газеты и телеканалы. Но советские средства массовой информации не имели обыкновения расстраивать граждан по пустякам. По количеству жертв ЧП попадало в разряд «аварий областного значения», поэтому программа «Время» и главные органы печати о ней умолчали. Из центральных газет лишь еженедельник ГАИ «За безопасность движения» поместил на последней странице, в рубрике «Сводка ДТП», коротенькое сообщение.

МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, БАСМАНОВСКИЙ РАЙОН. 10 мая. На 2 км Колиногорского шоссе рейсовый автобус, не вписавшись в поворот, врезался в препятствие. Имеются человеческие жертвы. Расследованием установлено, что авария произошла вследствие грубой ошибки водителя, не справившегося с управлением.

В областном «Ленинском знамени», по специальному решению бюро обкома, дали десять строк петитом. Правда, с заголовком.

Больше внимания подготовке кадров

На собрании партхозактива треста «Мособлобщавтотранс» рассмотрен вопрос о недавней аварии пригородного автобуса маршрута № 685 (Звенигород — ж.-д. станция Перхушково), приведшей к человеческим жертвам. Коммунисты потребовали от руководства треста принять меры для повышения уровня профессиональной подготовки шоферского состава. Решено провести месячник безопасности движения на всех маршрутах.

И лишь районная «Басмановская правда» напечатала более или менее подробный отчет о случившемся. Иначе было нельзя, потому что о происшествии говорил весь район, да еще и плели всякую чушь: будто автобус на полном ходу врезался в колонну краснознаменной Таманской дивизии, расшибся о стальную броню и погибло чуть не сто пассажиров.

Чтобы в корне пресечь слухи, бросающие тень на гвардейцев-танкистов (которые действительно в тот день проводили маневры, однако в совершенно другом квадрате), редакция приняла смелое решение — выделила под общественно острый материал целых полколонки на второй полосе. Задумка была сместить акцент с негатива на позитив, чтоб статья, несмотря на трагичность содержания, прозвучала не пессимистично, а жизнеутверждающе.

И ведь получилось.

Родились в рубашке

Майский вечер был свеж и ясен, над берегами Москвы-реки стелился легкий, невесомый туман. Погожий денек подходил к концу, в окнах деревенских домов и дач зажглись уютные огоньки. Ничто не предвещало беды.

Трудыга-автобус пылил по Колиной Горе в сторону Рублево-Успенского шоссе. Народу в салоне было немного — в субботу основной пассажиропоток, как известно, направляется из столицы в область, а не наоборот.

Сосны знаменитого поселка деятелей науки и искусства мирно шумели над пустынным шоссе, навевая дремоту. Спала природа, спал сосновый бор, клевали носом пассажиры. Как знать, быть может, и 38-летний Ш., водитель автобуса, на миг задремал за рулем. Так или иначе, произошло непоправимое. На крутом повороте многотонную массу вынесло на встречную полосу...

Специалисты попытались восстановить картину произошедшего. Судя по тормозному пути, этому траурному росчерку, оставшемуся на асфальте, машину повело сначала влево, потом резко бросило вправо.

Вот реконструкция случившегося по версии штаба расследования, куда вошли опытные следователи прокуратуры и сотрудники автоинспекции.

Трагедия произошла вследствие рокового совпадения двух факторов. Во-первых, из-за

несобранности водителя, который, пытаясь удержаться на полотне дороги, был вынужден прибегнуть к экстремному торможению. Вторых, из-за лежащего поперек дороги бревна. Заблокированные передние колеса наехали на препятствие, отчего автобус буквально вздыбился, встал на попа и сам себя раздавил собственной тяжестью. Правда, бревно обнаружено не на дороге, а в пятнадцати метрах от места происшествия, в кювете, но эксперты полагают, что оно было отброшено туда силой удара.

Все 19 человек, находившиеся в искореженном автобусе, неминуемо должны были погибнуть. Но случилось настоящее чудо! Двое юных пассажиров, занимавших заднее сиденье, десятиклассник Р. и учащийся техникума С., уцелели. Не просто выжили, а именно уцелели! Оба паренька, конечно, находятся в состоянии нервного шока, но врачи нашей районной больницы имени Семашко уже провели всестороннее обследование и уверенно заявляют, что серьезных повреждений нет. В стародавние времена про таких счастливцев сказали бы «в рубашке родились». А мы скажем иначе: «Ребята, вы всё равно что родились заново. У вас впереди большая, интересная жизнь. Проживите ее достойно».

Корреспондент ничего не наврал и не напутал — добросовестно изложил всё, что выяснил в штабе расследования. Кроме, пожалуй, одного

второстепенного обстоятельства, которое лишь заморочило бы читателей голову. Дело в том, что по поводу пресловутого бревна у экспертов имелись серьезные сомнения. Во-первых, оно было целехонько, ни вмятинки, а во-вторых, судя по слою пыли, провалялось в кювете по меньшей мере несколько часов. Однако никакой другой мало-мальски убедительной версии следственная группа выработать не сумела, а начальство, как водится, торопило с заключением, поэтому вина за «дорожно-транспортное происшествие, повлекшее за собой смерть двух или более лиц», была возложена на безгласное бревно и на столь же безответного водителя Ш., чьи изуродованные останки к тому времени уже покоились на басмановском кладбище.

Так никто и не узнал, что на самом деле случилось вечером 10 мая 1980 года на втором километре Колиногорского шоссе.

Десятиклассник Р.

Пока Роб петлял меж высоких штакетников, разыскивая сначала шоссе, а потом автобусную остановку, ему было нехолодно. Три коктейля (настоящий виски с настоящей содовой) еще не выветрились, опять же ходьба согревала. Ну и, конечно, нервы подбавляли электричества.

Роба трясло от ярости, от обиды, от мысли, что всё, в лайфе настал полный финиш, хоть в школу не ходи. А учиться оставалось целых три неде-

ли, и потом еще экзамены. Руки на себя наложить, что ли? Нет, в натуре. Всё равно жизнь кончена, после такого-то позора. Хоть выпускной вечер им, подонкам, испортить. Поназаказывали предкам итальянских костюмов, понашили платьев у Славы Зайцева. В черненьком походите, а кое-кто, может, и всплакнет, мстительно думал Роб, всматриваясь в ржавое расписание. Последний автобус в 22.45, сейчас без двадцати одиннадцать. Хоть с этим повезло.

Однако полчаса спустя стало ясно, что расписание лажовое, к объективной реальности отношения не имеет. Последний автобус то ли проскочил раньше, то ли его вообще отменили.

Роб неуверенно попробовал голосовать — большим пальцем, по-западному, но машин было мало, и ни одна, конечно, не остановилась. А потом дорога вообще вымерла. Сверху сосны и черное небо, вокруг глухие серые заборы. И холодно, факинг шит, до чего же холодно!

Он стучал зубами под разбитым фонарем, всхлипывал, бормотал ругательства — по-русски и по-английски.

Дурацкая, нелепая ситуёвина, совершенно в духе всей его стрёмной лайфстори. Вернуться на дачу? Ни за что, лучше околеть от холода. Двинуть пешедралом? Это на минуточку 25 кэмэ, до Кольцевой. Денег в кармане пятьдесят копеек, а задарма хрен кто подвезет, чай не Калифорния.

Тут он покраснел от злости, вспомнив, как потратил заветную пятерку. Два месяца в буфете не

завтракал, деньги копил. Думал выпендриться перед Регинкой, купил венгерский джин «Марина» за 4.50. А Регинка только нос сморщила, у нее на столе красовалась сплошная фирма из валютной «Березки»: и «бифитер», и виски «тичерс», и даже яичный ликер «адвокат». Венгерское пойло она по-тихому убрала, а Роб сделал вид, будто этого не заметил.

— Нечего было соваться с кувшинным рылом, драгоценный Роберт Лукич, — сказал он вслух.

По имени-отчеству Роб обращался к себе только в минуты особенно лютого самоедства. Роберт Лукич! Комбинейшн не для слабонервных. Уже за одно это следовало бы лишить предков родительских прав.

Фамилия-то Робу досталась неплохая, даже звучная: Дарновский. Что дед назвал фазера «Лукой», в общем, тоже понятно. Старикан был из духовного сословия, что возьмешь с бывшего попа? Но папаша, байдарочник фигов! Но мамхен, работница культуры! Какие ослиные мозги надо иметь, чтобы назвать сына «Робертом»? Это у них, дебильных шестидесятников, поэт Рождественский был заместо ясного солнышка. Матушка и сейчас, бывает, как закатит глаза, как заведет: «Я жизнь люблю безбожно, хоть знаю наперед, что рано или поздно настанет мой черед!» Бе-е, блевать охота.

Роберт Лукич Дарновский, каково? Обхохочешься.

Пока молодой — ладно, но как жить, когда войдешь в возраст? Слава богу, будет это неско-

ро, лет через двадцать. Может, к тому времени дурацкий обычай называть человека по имени-отчеству отомрет, и станет у нас, как в Америке: просто Роберт Дарновский. А еще лучше Роб или Робби. Вон у штатников президент Картер — Джимми и всё, а не Джеймс Лукич или как там его по батюшке.

Позорная курточка из плащовки не грела, а лишь противно шуршала, и Роб обратил весь человеконенавистнический пыл на своего геройского родителя, потому что куртец покупал именно он. Типа подарок на день рождения. Видел Роб эти выдающиеся произведения отечественного легкопрома в магазине уцененных товаров, цена им 14 рублей. Оно конечно, зарплата у старшего инженера паршивая, плюс мазеру алименты, да двух новых киндеров себе настругал. Только лучше бы ничего не дарил. Или выдал деньгами. Да ну его, уroda. Это из-за фазера жизнь Роба превратилась в сплошное унижение. Учился бы в нормальной школе, с детьми обычных родителей, чувствовал бы себя не хуже прочих. На беду, во дворе их дома находилась знаменитая 12-я спецшкола, куда абы кого не принимали, но папаня разузнал, что существует какая-то квота для детей микрорайона, дошустрился аж до ГОРОНО и пристроил-таки сына в пижонское учебное заведение. «Пускай мальчик учит язык, в жизни пригодится».

Таких, как Роб, принятых по квоте, в классе называли «туземцами». «Туземцы» жили не в от-

дельных квартирах, а в коммуналках, ели не домашние сэндвичи с сервелатом, а школьные завтраки, летом ездили не к парентам в Вашингтон или Токио, а в пионерлагерь. После восьмилетки всех их на хрен выперли в обычную школу, потому что в двенадцатой разукрупняли классы. Уцелели только двое: Шилов, у которого отец инвалид войны, и Дарновский, круглый отличник.

Счастливая юность у Роба протекала следующим макаром. Вставал он в шесть, потому что до школы из Новогиреева, где мамхену отслюнили квартиру в девятиэтажке, было полтора часа езды. Сидел на первой парте, усердно скрипел шариковой ручкой за 35 копеек — во всем классе такими писали только он да Шилов, остальные всё больше «паркерами». Когда никто на него не смотрел (то есть почти всегда), исподтишка косился на Регинку Кирпиченко, подружку романтических и эротических грез. Та о грезах, конечно, не догадывалась, потому что была красавица, дипломатическая дочка и вообще существовала в пространстве, которое с панельно-блочным Новогиреевым никак не пересекалось.

Всего один разок попал Роб в ее волшебное зазеркалье, и каким же обломом всё закончилось!

Он всхлипнул, поперхнулся холодным воздухом, закашлялся. Из груди донеслось жалобное клочотание, и Роб подумал: отлично, воспаление легких, проболēju до конца учебного года, а потом только экзамены сдать и привет, на выпускном как-нибудь без меня перетопчетесь.